

Она задалась вопросом, был ли он там, был ли он там, во внутреннем дворике за большими дверями. Именно там он был в ту ночь, когда наблюдал за ней с Маркусом.

Промежуток между длинными шторами, закрывавшими стекла двойных дверей, пространство, специально оставленное там, когда она задергивала их против темноты снаружи, тянуло ее, постоянно притягивало взгляд.

Это была борьба, но она отказывалась смотреть в ту сторону. Если бы она посмотрела, хотя бы взглянула, это испортило бы ей удовольствие. Держась спиной к дверям, она спустила с плеч халат. Он упал на пятки, и она оставила его там, пульс между ног участился.

Был ли он там? Чувствовала ли она тяжесть его взгляда? Смотрел ли он на ее обнаженные плечи, позвоночник и изгиб талии? Был ли он там, в темноте, облизывая губы, пока она делала паузу, позировала и давала ему время оценить ее ягодицы и ноги?

Хорошие ноги, у нее всегда были хорошие ноги, фантастические ноги.

И если он был там, понимал ли он, что все это делается для его блага?

Она повернулась, двигаясь медленно, обдуманно, грациозно. Пусть он увидит ее груди, те большие груди, которые она использовала как приманку, чтобы поймать Маркуса. Именно ее сиськи заставили его тараторить, слюнявиться и смотреть на нее во все глаза, а его длинный член напрягся.

Дайте ему, если он там наблюдал, хорошенько рассмотреть ее сиськи. Они любили ее грудь, мужчины, и она не возражала против того, чтобы показать их, совсем нет, в конце концов, они стоили достаточно дорого. Несколько тысяч, было бы преступно держать такие произведения искусства при себе.

Когда она стояла перед занавесками и демонстрировала свою наготу в полный рост, она держала груди в ладонях, покачивая ими и делая лицо, которое могло бы показать любому наблюдающему, что она сама оценила их вес.

Она дразнила пальцами свои соски, ареолы напряглись, на возбужденной плоти образовались крошечные прыщики.

Боже, как же это было хорошо. Она чувствовала себя такой сексуальной, делая это для него. Она вздохнула и тихонько застонала.

Быстро, разжижая жар между ног, торопясь от предвкушения, она опустилась ягодицами на диван и подняла ноги с пола.

Она повернулась на бок и оперлась на один локоть. Опираясь на одно бедро, она вытянула

голень вдоль мягкого сиденья, а другую ногу согнула в колене, широко разведя бедра. Расположение дивана было хорошо продумано, и она знала - если он будет рядом, - что он сможет видеть всю ее, будет иметь свободный обзор на расплавленное место между ее ног.

Если бы она захотела, она могла бы раздвинуть пальцами половые губы и обнажить все.

И она хотела, чтобы он видел. Она хотела, чтобы он смотрел, как она использует длину латекса, специально купленного для сегодняшнего шоу, на своем теле.

Пусть он стоит там, в темноте, подглядывая за одинокой женщиной.

"Не лучше ли тебе быть здесь и трахать меня?" - пробормотала она.

Фаллоимитатор казался таким толстым в ее кулаке.

Она пожала плечами. "Неважно. Я обойдусь этим".

Латексный стержень скользнул между уже липкой от возбуждения плотью. Она вздрогнула и задыхалась, когда конец рукоятки натолкнулся на ее клитор.

Слова с шипением вырвались из нее. "Твой отец не мог насытиться этой тугой пиздой". Пальцы терзали плоть груди. "Он был без ума от моих сисек и пизды".

Пауза, она не могла удержаться, пришлось бросить взгляд на щель в занавесках. Был ли он там, притаившись снаружи?

"Но ты же видел это, не так ли? Ты стоял там и смотрел, как я сосу его член. И ты рассказал мне эту историю о том, как ты был потрясен... Как ты был расстроен этим".

Ее тело сжалось вокруг резинового ствола. Она снова задыхалась, голова запрокинулась, пока она стонала от удовольствия.

Бормотание продолжалось: "...Я так расстроился, что ты осталась и смотрела, как мы трахаемся".

Она стонала, морщилась и выкладывалась перед ним, широко расставив ноги, с идиотским выражением остекленевших глаз, глубоко засовывая фаллоимитатор.

"Я надеюсь, что ты там, смотришь на это. Надеюсь, ты там, смотришь, как я использую этот большой хуй на своей пизде".

И так продолжалось, эта развратная выставка, которую Мэдлин устроила исключительно для его блага. Это все было для Нейта, ее внука. Она надеялась, что он смотрит.

Один

(вечер пятницы)

Дождь и спущенная шина. Он стукнул кулаком, достаточно мясистой ладонью писателя, чтобы поглотить удар, о рулевое колесо.

"Блядь... Чертовы засранцы".

Еще один удар по рулю, и Натаниэль Джонсон, Нейт для всех, кто его знал, проклял погоду. Он заглянул в лобовое стекло BMW M3, но ничего не смог разглядеть, не смотря на каскад воды, стекающий по стеклу. Он вздыхал и слушал, как пули дождя отскакивают от крыши с глухим стуком.

У Нейта было мало вариантов. Он мог позвонить в АА и попросить поменять шину - минус был в том, что патруль может приехать нескоро. Он мог поменять шину сам - но это означало бы прибыть на вечеринку грязным и мокрым насквозь.

Ни один из этих сценариев не привлекал его.

Другой вариант - оставить машину на месте, в достаточно безопасном районе, зажиточном - не таком богатым, как улица, на которой жил Нейт, но достаточно обеспеченном, чтобы умный "бимер", припаркованный у бордюра, пережил ночь без охраны. Нейт мог оставить машину, вернуться через пару улиц домой, высохнуть и переодеться, а потом попросить одолжить машину у бабушки.

Именно так, в пятницу вечером, под хлещущим дождем, Нейт оказался у больших французских окон бунгало в глубине сада, большого здания, которое семья в шутку называла "бабушкиной квартирой".

Он взял с собой смену одежды, которую защищал от ливня костюм и густой полог листвы над головой, аллея деревьев, обеспечивавшая хоть и небольшое, но укрытие. Нейт вышел из большого дома, где он взял одежду, и поспешил через аллею, стремясь попасть в дом своей бабушки. Конечно, он немного опоздает на вечеринку, но Нейт надеялся принять душ, переодеться в сухую одежду, взять машину и продолжить свой пятничный вечер.

Он, конечно, не ожидал увидеть то, что увидел, когда пересекал внутренний дворик по пути к входной двери.

**

Маркус Джонсон сглотнул, а затем тяжело сглотнул, глядя на скрещенные запястья Мэдлин, на ее пальцы, поднимающие подол свитера.

Его теща сделала паузу и ухмыльнулась с выражением кошачьего расчета в прорезях глаз.

Ей могло быть пятьдесят семь, но у этой женщины все было в порядке, она все еще была желанной... черт, она была более чем желанной, Мэдлин была великолепна. Она была для него как наркотик, вся она: голос с виски, ее лицо, белокурые волосы и прекрасное тело. Маркус был на крючке, он жаждал ног Мэдлин, ее груди... О, как он жаждал этих сисек.

Маркус моргнул, когда его теща сделала паузу. Она держала подол свитера чуть ниже увесистых округлостей, которые он так отчаянно хотел увидеть.

Мэдлин вздохнула. "Ты непослушный мальчик", - поддразнила она. Она хихикнула и покачала головой, надув губки под глазами, сверкающими озорством. "Но мне нравятся непослушные мальчики, не так ли, Маркус?"

Свитер задрался, закрывая лицо Мэдлин, а Маркус уставился на ее обнаженную грудь, большие сиськи, которые сильно покачивались, когда она осторожно натягивала горловину одежды на волосы.

"Мэдлин", - прошептал Маркус.

Ревность всколыхнулась в его груди, едкая эмоция сжала его челюсти, когда Мэдлин, держа свитер в руке, усмехнулась и сказала: "Вы, мальчики, просто не можете насытиться моей грудью".

Он не любил упоминаний о других мужчинах. Маркус хотел, чтобы его теща принадлежала только ему.

Светлые пряди погладили ее по вискам, нежные пряди, выбившиеся из пучка волос, зажатых высоко на голове, сместились, когда она сняла свитер.

"Все время, каждый день мужчины пялятся на мои сиськи, - добавила она". Мэдлин снова захихикала, ухмыльнулась и опустила веко на щеку, тяжелое, соблазнительное подмигивание, наполненное предложением. "Не то чтобы я возражала, конечно". Она взяла в ладони тяжесть своих грудей и провела большими пальцами по соскам. "Меня возбуждает осознание того, что они хотят меня. Я могу сказать, глядя на них, что они думают о грязных мыслях". Мэдлин сделала шаг к своему зятю. "Точно так же я могу смотреть на тебя, Маркус, и знать, что ты думаешь обо всем, что мы делаем вместе. Как сейчас, я могу сказать, что ты умираешь от желания прикоснуться ко мне. Ты хочешь потрогать мои сиськи, не так ли? Ты хочешь трахнуть меня своим прекрасным членом, не так ли, Маркус?".

Маркус мог только кивнуть и провести языком по пересохшим губам. Он уставился на свою тещу, его эрекция была сильно сжата в брюках костюма.

"Ты непослушный мальчик, - вздохнула Мэдлин".

К этому времени она стояла перед ним, ее губы были близко к его уху, а щека касалась его щеки.

"Ты думал обо мне сегодня, Маркус?" Ее пальцы были на молнии его брюк. Ее рука была внутри его брюк. "Ты думал обо мне и хотел меня? Ты делал паузы в течение дня и думал о том, как я прикасаюсь к твоему члену?"

Это была одна из игр Маделин. Она дразнила его, дразнила своим телом и словами до тех пор, пока ему не стало казаться, что он взорвется. Она вызывала в нем почти неконтролируемые позывы, потребность и желание. Казалось, Маделин всегда знала, как далеко его завести. Она давила и уговаривала, иногда звонила ему днем, когда он должен был сосредоточиться на империи, которая принесла ему миллионы, побуждая его погладить свой член, но никогда не позволяя ему освободиться, чего жаждало его тело.

Были и другие игры: выставление напоказ ее глубокого декольте, мелькание плоти, когда она оставалась без нижнего белья и поднимала для него юбку.

Это заставляло его дико желать, а Маделин - забавляться.

Она держала его в кулаке, медленно лаская его длину.

Маделин одобритительно мурлыкала, поглаживая его. "Сегодня ты для меня твердый, Маркус".

Он застонал, когда она сжала его.

"Большой и твердый", - добавила она, отступая на шаг назад, ее пальцы сжались вокруг его твердого члена. Она посмотрела вниз, а затем улыбнулась ему в лицо. "Мне пососать его?" Отпустив эрегированный член, Маделин обхватила свои груди и сжала их вместе. "Хочешь немного подрочить и пососать сиськи?"

Дыхание с шипением вырвалось через нос. "Господи, Мэдлин..."

У нее вырвался смех. Она запустила пальцы в пояс юбки и через несколько секунд стояла перед ним обнаженная, за исключением туфель.

Каблуки она не сняла, потому что знала, что ему это нравится.

Опустившись на колени, она потянулась к его члену. "Позволь мне пососать тебя, всего на несколько мгновений. Потом мы можем трахнуться".

Маркус застонал, когда ее губы сомкнулись над куполообразной головкой члена, его пальцы зарылись в волосы тещи.

Два

(Воскресный вечер)

<http://erolate.com/book/2309/59927>